

Бьют ли часы и фонтан одним и тем же БИТЬ?

Е.Р. Добрушина

katya@titov.msk.ru

АННОТАЦИЯ

Данное сообщение^[1] посвящено проблеме семантического единства многозначных языковых единиц. Автор исходит из идеи^[2] о семантическом единстве любой многозначной единицы, будь-то приставка, предлог или глагол. Автор защищает следующую позицию: многозначность языковой единицы, как и любое ее конкретное значение в реальном высказывании, является следствием взаимодействия «семантического сценария» этой единицы с семантикой элементов контекста.

Термином «семантический сценарий» обозначается такая характеристика значения языковой единицы, которая сама по себе не является толкованием ни для одного из употреблений этой единицы, но присутствует в основе любого употребления, конкретизируясь, обогащаясь и трансформируясь из-за взаимодействия со значениями других единиц.

В качестве иллюстрации этой позиции мы предлагаем описание глагола БИТЬ. Не имея возможности проанализировать все подзначения этого многозначного глагола, рассмотрим следующий список типов употребления: (1) *мальчик бьет собаку*, (2) *мальчик бьет посуду*, (3) *охотник бьет дичь*, (4) *часы бьют полдень*, (5) *альпинист бьет по крюку*, (6) *фонтан бьет*, (7) *бьют барабаны*.

БИТЬ обозначает дискретное действие, являющееся проявлением некоторой силы и оформленное в пространственно-временной форме. Проиллюстрируем этот семантический сценарий на примерах:

Мальчик бьет собаку. Имеет место дискретное действие – ряд ударов, наносимых собаке, оно является проявлением силы мальчика и оформляется в определенной форме – страдания собаки.

Часы бьют полдень. Имеет место дискретное действие – производятся отделенные друг от друга звуки, оно является проявлением действия механизма часов и оформляется в определенной форме – звуковое сообщение о времени «полдень».

Бьет фонтан. Имеет место дискретное действие – пульсирующее, прерывистое движение, которое осмысливается как проявление силы, заложенной в фонтане, и воплощается в пространстве в виде видимого, заметного глазу движения воды.

Рассмотрим три компонента вышеприведенного сценария: дискретность действия, некоторая сила в качестве источника действия, пространственно-временное проявление.

Дискретность действия, обозначенного БИТЬ, хорошо видна в употреблении *бить собаку* или *бить по крюку*, где речь идет об отдельных ударах, в *фонтан бьет*, где имеет место пульсирующее, прерывистое движение, и в *бьют часы*, где описывается ряд отдельных звуков. Этот элемент значения сохраняется и в остальных употреблениях, особенно интересно проявляется он в *бить посуду* и *бить дичь*. Дело в том, что прямое дополнение (далее С1) в подобных употреблениях обязано обозначать множественные объекты, ср: *бить окна*, но невозможно **бить окно; бить диких свиней* – тип (3), но перемена числа превращает употребление в тип (1). Этот эффект является следствием того, что употребления (2) и (3) обозначают «нарушение целостности» и «смерть», а эти явления могут описываться как дискретные, только когда их несколько.

Второй компонент сценария – наличие некоторой силы, являющейся источником действия – сильно ограничивает ряд возможных при БИТЬ подлежащих (далее С0); возможны С0 следующих типов: живое существо, механизм, движущаяся под напором вода.

Третий компонент сценария – пространственно-временное проявление действия – ограничивает ряд возможных при БИТЬ С1: С1 обязано обозначать такой объект, который при воздействии на него силы претерпевает изменение. Это объекты в основном двух типов: либо живые существа – при воздействии силы они испытывают страдания (1) или даже умирают (3), либо хрупкие предметы (2) – при воздействии силы они разрушаются. Именно из-за этого компонента невозможно использовать при БИТЬ С1, обозначающие устойчивые к воздействию силы предметы, ср: **бить стену*. Но в сочетаниях типа *бить по стене* (5) БИТЬ вступает во взаимодействие с предлогом *по*^[3] и этот предлог, благодаря своему значению, нивелирует идею обязательного воздействия на объект.

В случаях, когда известно, какое именно воздействие дискретное применение силы производит на нехрупкий предмет, становится возможным использование названия этого предмета при переходном БИТЬ. Например, спелеологи могут сказать *бить крюк*, описывая определенное воздействие – вхождение в камень.

Пространственно-временное проявление не обязательно выражается в воздействии на объект, есть еще две возможности: проявление в виде звука или звукового сигнала (4) и (8) – *часы бьют полночь, гром бьет, бьют барабаны* и проявление в видимой форме (6) – *фонтан бьет*.

Совокупность трех рассмотренных элементов отделяет значение БИТЬ от значений других глаголов. Так, сценарий глагола ДАВИТЬ так тоже содержит идею «силы», но, в отличие от БИТЬ, не содержит идей «дискретности» и «пространственного проявления»; сценарий глагола ТОЛКАТЬ содержит «дискретность» и «силу», но не содержит «пространственного проявления».

Итак БИТЬ обозначает, что дискретное действие, являющееся проявлением силы, имеет воплощение в мире, а то, какому процессу соответствует БИТЬ, зависит от характера этого воплощения: трансформация объекта, видимая заметность, звуковая заметность.

То, какому реальному (референтному) процессу соответствует БИТЬ, зависит от свойств элементов контекста: значение «боль» является следствием наличия С1 «живое существо», а значение «заметное движение» – следствием С0, включающего идею «быстро движущаяся вода» и т.д.

На примере анализа значений глагола БИТЬ, мы пытались доказать следующие тезисы: семантическое единство многозначной единицы определяется существованием абстрактного семантического сценария; разные значения многозначной единицы являются порождениями определенных типов контекстов; о значении языковой единицы можно говорить только в рамках ее употребления в конкретном контексте.

[1] Работа выполнена в рамках проекта «Описание приставок русского языка», поддержанного грантом РФФИ номер 99-06-820001.

[2] Позиция и гипотезы, излагаемые здесь, являются результатом совместной работы с Д.Пайаром (Университет Париж-7). Более подробно этот взгляд изложен в работе Добрушина Е, Пайар Д. Приставочная парадигма русского глагола: семантические механизмы. Сборник «Русская глагольная префиксация – 2», в печати.

[3] Мы исходим из гипотезы о том, что предлог имеет свой собственный семантический сценарий, вступающий во взаимодействие со сценарием глагола.